

УДК 321

DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-3-53-60

КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

CLASS STRUCTURE OF A SOCIETY AND STATEHOOD DEVELOPMENT

*А. М. Колядин, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва
andy@list.ru*

A. Kolyadin, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow

Рассматриваются современные подходы к определению классовой структуры общества. Отмечается, что в современных условиях определять классовую принадлежность через отношения собственности затруднительно, необходимо ставить акцент на место индивидов в институте частной собственности в ее экономическом, а не юридическом аспекте

Ключевые слова: *классовая структура; государственность; собственность; общественное производство; социальный статус; рабочий класс; буржуазия; индустриальный рабочий; капиталисты-предприниматели; марксизм*

Modern approaches to definition of class structure of a society are considered. It is noticed, that in modern conditions it is inconvenient to define a class association through property relations; it is necessary to put accent to the place of individuals in a private property institution in its economic, instead of legal aspect

Key words: *class structure; statehood; ownership; social production; social status; working class; bourgeoisie; industrial worker; capitalist entrepreneurs; marxism*

Существующие подходы к определению классовой структуры общества подвергаются справедливой и часто взаимной критике. Так, определяя рабочий класс только через отношения найма и относя к нему 80...90 % населения, представители данного направления игнорируют такие составляющие, как отчуждение в процессе трудовой деятельности, где рабочий в полном смысле не может контролировать условия своего труда, что решительно отличает его даже от самого мелкого менеджера. Важнейшей их особенностью являются отличия в социальных интересах менеджера и рабочего, что никак не позволяет свести эти группы в один класс, основываясь на критерии наемного труда.

Подход, сводящий к мелкобуржуазному статусу те группы, которые невозможно прямо отнести к пролетариату и капиталистам, также не удовлетворителен, в том числе и в принципиальной части, определяющей образование и дипломы как ту собственность, которая и позволяет отнести эти группы к буржуазии. Во-первых, образование имеет специфический характер — оно не может быть отделено, как могут быть отчуждаемы средства производства, принадлежащие капиталисту. Полученное образование делается неотчуждаемым ресурсом, оно никак не может быть утрачено, продано или обменяно. В общем, к представителям данного подхода в полной мере применима вся та критика, которой

подверглась теория форм капитала П. Бурдье [4]. Кроме того, нужно заметить, что определенный уровень специального образования, курсы и соответствующие дипломы еще с конца XIX в. получали не только представители буржуазии, но и квалифицированные индустриальные рабочие, однако их не относили к классу мелкой буржуазии. Вероятно, в данном случае роль играет способ жизни — различие в эстетическом идеале заставляет одних представителей относить к буржуазии, а других определять как класс рабочих, одновременно признавать принадлежность таких разных групп, как мелкие производители-индивидуалы, юристы или рекламные специалисты к мелкой буржуазии.

Таким образом, основная проблема, стоящая перед марксистским классовым анализом, заключается в том, как, к каким классам и по каким критериям можно идентифицировать новые социальные группы, удельный рост которых в обществе вырос настолько, что решительно поставил под сомнение дихотомную марксистскую модель классов.

В ленинскую эпоху и вплоть до настоящего времени определяющим признаком являлось отношение к средствам производства. Однако, если для начала XX в. выбор такого критерия в качестве основного являлся верным, то для конца XX и начала XXI вв. критерий собственности на средства производства стал сомнительным. Тот факт, что марксисты продолжают ставить на нем акцент, является, скорее, следствием его кажущейся простоты и относительной очевидности, нежели догматизма [1; 2; 18; 19; 20].

Уже во второй половине XX в. перед классовым анализом в соответствии с этим критерием встали проблемы, связанные с тем, что право собственности стало терять явную привязку к конкретным лицам — капиталистам, превращаясь в сложную и запутанную систему контроля и взаимных обязательств собственников и управленцев.

В настоящий момент, когда совокупный класс капиталистов-предпринимателей прошлого превратился в «обезличенный

капитал как поле или совокупность полей экономико-символических отношений», определять классовую принадлежность через отношения собственности стало затруднительным [6. С. 41], поскольку высшие менеджеры чисто феноменологически принадлежат к господствующему классу, и отрицать это нельзя, при том что менеджеры низшего звена по размерам дохода и стилю жизни близки к массе рабочих и служащих. Необходимо выяснить, где же обнаружить грань, отделяющую менеджеров как представителей господствующего класса от менеджеров наемного труда.

Зачастую социологи пытаются найти ее в том же критерии размера и способа получения доли общественного богатства, указывая на то, что высшие менеджеры основную долю дохода получают от собственности, которая передается в их владение фактическими собственниками предприятий, в то время как мелкие менеджеры основной свой доход имеют от заработной платы [15]. Этот подход встречается с определенными сложностями, а именно с тем, что на самом деле наблюдается единство классового интереса мелких и высших менеджеров и, одновременно, серьезное отличие такого интереса менеджеров любого звена от классового интереса рабочих. Ведь жизненные шансы, образование, карьерные ожидания (Ф. Ферраротти) скорее связывают управленцев в единую социальную группу, и разделять их по доходам, относить к разным классам есть то же самое, что относить лейтенантов к иной группе, чем полковников, хотя на самом деле и те, и другие — офицеры.

Кроме того, следует заметить, что и само понимание частной собственности в марксистской интерпретации как принадлежности некоего имущества (средств производства) одному человеку или группе лиц неполное. К. Маркс говорил о частной собственности в двух смыслах: юридическом как о принадлежности имущества частному лицу, и экономическом, где речь шла о способе присвоения, связанном с разделением труда. По мнению К. Маркса, частная собственность появляется с разделением труда

как обратная сторона этого разделения, как специализация умений и навыков человека, связанных с разделением труда, обуславливающая отношения обмена, и уже, как следствие, появляется возможность присвоения чужого труда и распоряжения им [10. С. 67].

Поэтому, говоря о собственности во втором, экономическом, смысле, следует подразумевать общественное разделение труда, или, как отмечает К. Маркс, «разделение труда и частная собственность — это тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом — по отношению к продукту деятельности» [10. С. 31]. Соответственно, по вопросу классовой структуры общества необходимо ставить акцент не на юридическом аспекте собственности, а на двух других признаках ленинского определения. Речь идет о различии классов «по их месту в исторически определенной системе общественного производства» и «по их роли в общественной организации труда». В ранние годы К. Маркс писал о том, что целью социализма является ликвидация труда (*arbeit*) как такового, и только позже поставил вопрос несколько иначе, рассуждая о свободном и неотчужденном труде, и соответственно, освобождении труда (*Befreiung der Arbeit*) [21]. В данном случае обратим внимание на «*arbeit*» — работу, или на отчужденный, несвободный труд. Эта форма труда, которая, по мнению К. Маркса, является источником отчуждения, порабощения человека и частной собственности (как институционального оформления такого порабощения и закабаления), выросла из способности человека производить не только для себя, но и для других. Речь идет не только о принципиальной способности как имманентном свойстве человеческого труда, но и о технической способности, сделавшейся следствием развития производительных сил. Применительно к процессу труда это означает, что в общественном производстве все большее место занимает труд, лишенный смысла и цели, и трудовые операции, получающие смысл только вместе с трудовыми опера-

циями, совершаемыми другими людьми во все более сложном их объединении. Для трудящегося же весь смысл таких трудовых действий заключается в вознаграждении за почасовые или сдельные затраты труда.

Однако К. Маркс поспешил, рассуждая о рабочем как приатке к машине в середине и конце XIX в. На самом деле такой этап в развитии общественного производства начался лишь в конце XX в. и связан с автоматизацией производства, позволяющей обойтись без особых индивидуальных навыков рабочего.

Нас в этом труде интересует тот факт, что этот труд сам по себе невозможен. Он нуждается в инстанции, в которой преодолевается бессмысленность для самого трудящегося его труда и отстраненность трудящегося от продуктов такого отчужденного труда. Другими словами, миллионы рабочих, занимающиеся отчужденным трудом, не могут существовать без тех, кто этот труд организует, создает проект производства какого-либо товара, решает вопросы поставки ресурсов на производство, а также сбыта изготовленной продукции [11. С. 293]. Таким образом, сам уровень развития общественного производства создает и воспроизводит два общественных класса: тех, кто занимается отчужденным трудом за вознаграждение, и тех, кто организует эти массы общественного труда. А частная собственность в конкретной юридической форме в данном контексте есть не более чем инструмент, с помощью которого происходит организация общественного производства.

В. В. Радаев и О. И. Шкаратан на основе собственного анализа различных стратификационных и классовых концепций, а также ссылаясь на авторитет такого исследователя, как Э. Гидденс, признают классовый анализ видовым понятием по отношению в родовому — социальной стратификации. В. И. Ильин разрабатывает теорию стратификации на основе синтеза марксистской и веберинской теории классов [8. С. 8].

Несмотря на противоположность концептуальных оснований, классовый анализ

и стратификационная теория не являются взаимоисключающими способами анализа социальной структуры. Исследователи социальной структуры современного российского общества работают в разных парадигмах. О формировании различных слоев буржуазии помимо рабочих, крестьян и интеллигенции писал М. Н. Руткевич [16].

С точки зрения Л. А. Беляевой, 90-е гг. XX в. характеризовались становлением классовой структуры российского общества, а именно формированием двух экономических классов (собственников и наемных работников) в ходе процессов приватизации. Но при этом Л. А. Беляева активно изучает проблему «среднего класса» [3], который, несмотря на название, не является экономическим классом в традиционном смысле, а скорее аналогичен понятию «средний слой». Л. А. Беляева выделяет три подхода к определению среднего класса.

Развивая веберовскую традицию стратификационного анализа в начале 90-х гг., В. И. Ильин, В. В. Радаев и О. И. Шкартан разработали собственную концепцию стратификации советского общества [7; 13; 14]. Исходным положением выступает оценка советского общества как бесклассового. Ликвидация классов произошла в результате тотального огосударствления собственности, поэтому стратификационная система базировалась на распределении власти, на системе властных иерархий. В. В. Радаев специально подчеркивает инвариантность отношений «власть-собственность», доминирование того или иного критерия стратификации в разных социально-экономических системах.

Многомерная стратификация советского и постсоветского обществ, предложенная в работах В. И. Ильина, опирается на представление об обществе как комплексе социальных структур, властно-административной, классовой этносоциальной, политической, экономической, профессиональной и т.д., «которые взаимосвязаны и в то же время имеют собственную логику развития» [14]. Эти социальные структуры определяют действия людей и обра-

зуют пространство социальных позиций, определяемых по отношению друг к другу – близости или дистанции. Как закрепление определенного типа социального действия социальная позиция связывается с конкретной совокупностью прав, обязанностей, ответственности, вознаграждений различного рода и социальных ожиданий, т.е. социальным статусом. Таким образом, социальное пространство образуется совокупностью неравных статусных позиций. Их иерархическое упорядочение и называется социальной стратификацией. Работа П. А. Сорокина в большей степени типологизирует и обобщает обширный эмпирический материал, чтобы сформулировать основные закономерности социальной мобильности. Но конкретная механика процесса в его работе не представлена. В теории М. Вебера содержатся предпосылки понимания этой механики. Кроме собственности, власти и престижа, определяющих социальный статус, М. Вебер вводит понятие «жизненные шансы» и определяет класс через их сходство:

«1) имеется достаточное число индивидов, обладающих примерно равными жизненными шансами и тем, что обуславливает их;

2) причины, обуславливающие те или иные жизненные шансы, представляют собою экономические интересы, стремление людей обладать какими-то товарами или услугами, а также возможностью получать какой-либо доход;

3) жизненные шансы должны определяться либо возможностью продавать рабочую силу на рынке труда, либо собственностью на предметы потребления и товары. В этом заключается суть классовой ситуации» [5. С. 281].

Шансы различаются у людей, владеющих и не владеющих собственностью, обладающих или не обладающих властью. Жизненные шансы, по М. Веберу, – это возможность получения тех или иных благ. Собственность или власть определяют величину шансов. У представителей одного класса примерно одинаковые жизненные шансы. Возможности использования клас-

сообразующих ресурсов как жизненных шансов опосредованы интеллектом, знаниями, умениями, опытом и реализуются в ходе рыночного торга, результат которого закрепляется в контракте. Контракт снижает произвол работодателей-собственников относительно продающих рабочую силу, а возможности торга позволяют реализовать множество иных способностей и иных возможностей. К. Маркс, изучая классовое деление как следствие макросоциальных процессов, не рассматривал индивидуальные действия субъектов в отношении собственных социальных продвижений.

Современные концепции стратификации пытаются описать изменения социального статуса за счет манипуляции различными социальными доминантами, некоторые из которых в большей или в меньшей степени подлежат контролю со стороны индивида и реализуются в индивидуальных действиях и практиках. Для К. Маркса собственность выступала определяющим критерием возможностей социального влияния. Неомарксист Э. Райт добавляет положение в системе управления. Для М. Вебера и неовеберянцев перечень таких оснований расширяется. В концепции П. Бурдьё учитывается любая возможность влияния. Для обозначения данных возможностей вводится понятие «капитал».

Для современного неовеберянца В. И. Ильина, попытавшегося осуществить синтез веберовской теории социальной стратификации и марксизма, капитал прочно связывается с классовым делением и капитализмом. «Понятие класса неотделимо от понятия капитала. Капитал — это процесс, объективное содержание которого, по словам К. Маркса, состоит в возрастании стоимости... Капитал — это власть регулировать доступ посторонних к средствам производства на условиях, формулируемых собственником и корректируемых с учетом рыночного соотношения сил. Поэтому отношение к капиталу выступает как ведущий критерий классового размежевания» [13].

П. Бурдьё и его российские последователи понимают капитал намного шире, как

всякую возможность влиять, как структуру господства не только над экономическими практиками агентов. Капитал есть структура, дающая власть над механизмами экономического, культурного, символического, политического и других производств, власть над доходами и прибылью от каждого из этих производств. Ю. Качанов считает, что «капиталы» можно представить как дальнейшее развитие понятия ресурсов, у Э. Гидденса — как средства, «с помощью которых используют власть в обычном сложившемся порядке социального действия». Соответственно, тот, кто ими обладает, может «успешно удовлетворять свои интересы, связанные с позицией в поле, а также может навязывать свою власть и влияние тем агентам, у которых данных капиталов нет» [9. С. 54].

Обладание капиталами, с одной стороны, дает власть над полем специфического производства, с другой — представляет необходимое условие занятия социальной позиции. Из этого следуют, по крайней мере, два вывода.

1. Социальное пространство структурировано как некие поля в соответствии с возможностями влияния и получения доходов, агенты поля противостоят друг другу в зависимости от занимаемой ими социальной позиции.

2. Эти поля есть поля напряженной борьбы за обладание капиталами, поскольку только таким образом можно добиться занятия желаемой социальной позиции. Борьба за обладание капиталами ведется путем индивидуальных достижений (получение образования, приобретение собственности и т.д.), или институционально-групповыми средствами (например, принятие законов, закрепляющих тот или иной ресурс за определенной социальной группой и закрывающий доступ к нему других) [17].

Однако вернемся к разделению труда и разделению общества на два класса. По нашему мнению, анализируя классовую структуру общества в ситуации, когда юридический критерий отнесения к частной собственности сделался недостаточно чет-

ким и однозначным, необходимо обращать внимание на место индивидов в институте частной собственности в ее экономическом аспекте, т.е. на то, какую роль в рамках этого института выполняет индивидуум — предоставляет ли он свой труд в отчужденной форме (в качестве придатка к машине) или участвует в организации такого труда, неважно на каком уровне иерархии. Если первое, то человек относится к рабочему, независимо от уровня оплаты, а если второе, — то к буржуазному классу, как бы его юридическое положение и стиль жизни не отличались от классического представителя буржуазии.

До сих пор речь шла об основном производственном отношении и соответствующем ему классовом делении современной эпохи, а проблемы возникают с анализом групп, участвующих в основной форме общественного производства, а именно в индустриальном производстве лишь опосредованно, плодами своей деятельности. Например, это ученые, предоставляющие плоды своей деятельности производству. Или это индивидуальные производители товаров или услуг, обслуживающие участников основного производственного отношения. Важно выяснить, к каким классам отнести эти группы. В экономике, которая всегда отличается многоукладностью, кроме основного производственного отношения, заключающегося сегодня в индустриальном производстве, присутствуют и остатки прошлых укладов. Однако есть и другие группы, доля которых растет.

Еще с 70-х гг. XX в. стало заметно, что и в капиталистическом обществе на Западе, и в советском обществе появились но-

вые социальные слои, которые на Западе связывались с появлением информационного, постиндустриального, «знаниевого» общества, а в СССР обозначались универсальным термином «интеллигенция», понимаемая как особая прослойка, за которой, в контексте дискуссий физиков и лириков, будущее. Этот социальный слой напрямую связан с новым качеством общественного производства, проявившимся во второй половине XX в., а именно словами советского лозунга, с превращением науки в непосредственную производительную силу. Важнейшим же его качеством является то, что в сфере общественного производства этот социальный слой опирается на тип труда, решительным образом отличающийся от отчужденного труда (совместного по К. Марксу), господствующего как в капиталистическую, так и в раннюю эпоху экономической формации. Речь идет о всеобщем труде [12. С. 116]. Эта форма труда имеет интереснейшую особенность. Если отчужденный труд рабочих масс, определяемый как совместный труд, не может обойтись без организатора этого труда, что предопределяет существование классовой пары, классового общества, эксплуатации и классовой борьбы, то всеобщий труд не требует такого разделения на классы. Следствием этого сделалось то, что новый социальный слой, существование которого базируется на том, что всеобщий труд впервые в истории делается основным, главным фактором общественного производства, не имеет классовой пары по своему существу, а общество, которое этот слой построит в своих интересах, будет бесклассовым обществом.

Список литературы

---

1. Алиев Я. Л., Сальников П. П. Государственность и ее система: место полицейского традиционализма // Правовое поле современной экономики. 2012. № 2. С. 25–33.
2. Алиев Я. Л., Сальников П. П. Государственность, законность и традиции полиции как социальная ценность // Мир политики и социологии. 2012. № 8. С. 7–19.
3. Беляева Л. А. В поисках среднего класса // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 72–77.
4. Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
5. Добренчиков В. И., Кравченко А. И. Социология. М., 2003. 624 с.
6. Жвиташвили А. Ш. Рабочий класс в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 44–51.

7. Ильин В. И. Основные контуры системы социальной стратификации общества государственно-монополистического социализма // Рубеж. 1991. № 1. С. 96–116.
8. Ильин В. И. Формирование социальной структуры советского и постсоветского обществ: сравнительный анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. СПб. 1998.
9. Качанов Ю. Л. Практическая типология социальных групп // Socio-Logos. М., 1996.
10. Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955–1981.
11. Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1955–1981.
12. Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. Т. 25. М.: Госполитиздат, 1955–1981.
13. Радаев В. В. Властная стратификация в системе советского типа // Рубеж. 1991. № 1. С. 117–147.
14. Радаев В. В., Шкаратан О. И. Власть и собственность // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 50–61.
15. Райт Э. О. Марксистские концепции классовой структуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.scepsis.net/library/id_608.html (дата обращения: 21.03.2017).
16. Руткевич М. Какие же классы теперь существуют в нашей стране? // Российский обозреватель. 1996. № 1. С. 65–72.
17. Сальников В. П., Степашин С. В., Хабибулин А. Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. СПб.: Фонд «Университет», 2001. Сер. Безопасность человека и общества. 208 с.
18. Тихомиров Ю. А. Государственность: крах или воскрешение // Государство и право. 1992. № 9. С. 11–19.
19. Тихомиров Ю. А. Государство на рубеже столетий // Государство и право. 1997. № 2. С. 24–32.
20. Тихомиров Ю. А. О модернизации государства // Журнал российского права. 2004. № 4. С. 3–16.
21. Фромм Э. Марксова концепция человека [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.scepsis.net/library/id_642.html (дата обращения: 21.03.2017).

References

1. Aliev Ya. L., Salnikov P. P. *Pravovoe pole sovremennoy ekonomiki* (The legal field of modern economy), 2012, no. 2, pp. 25–33.
2. Aliev Ya. L., Salnikov P. P. *Mir politiki i sotsiologii* (World of Politics and Sociology), 2012, no. 8, pp. 7–19.
3. Belyaeva L. A. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological research), 1999, no. 7, pp. 72–77.
4. Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Moscow: Institute of Experiments. Sociology; St.-Petersburg: Aleteya, 2007. 288 p.
5. Dobrenkov V. I., Kravchenko A. I. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow, 2003. 624 p.
6. Zhvitiashvili A. Sh. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological researches), 2013, no. 2, pp. 44–51.
7. Ilyin V. I. *Rubezh* (Border line), 1991, no. 1, pp. 96–116.
8. Ilyin V. I. The formation of the social structure of the Soviet and post-Soviet societies: comparative analysis [Formirovanie sotsialnoy struktury sovetskogo i postsovetskogo obshchestv: sravnitelnyy analiz]: abstract dis. ... dr. sociol. sciences. St.-Petersburg, 1998.
9. Kachanov Yu. L. *Socio-Logos* (Socio-Logos). Moscow, 1996.
10. Marx K., Engels F. *Soch.* [Collected Works], vol. 3. Moscow: State Publishing House, 1955–1981.
11. Marx K., Engels F. *Soch.* [Collected Works], vol. 20. Moscow: Gospolitizdat, 1955–1981.
12. Marx K., Engels F. *Soch.* [Collected Works], vol. 25. Moscow: Gospolitizdat, 1955–1981.
13. Radaev V. V. *Rubezh* (Border line), 1991, no. 1, pp. 117–147.
14. Radaev V. V., Shkaratan O. I. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological researches), 1991, no. 1, pp. 50–61.
15. Rayt E. O. *Marksisitskie kontseptsii klassovoy struktury* (Marxist concepts of class structure) Available at: http://www.scepsis.net/library/id_608.html (Date of access: 21.03.2017).
16. Rutkevich M. *Rossiyskiy obozrevatel* (Russian Observer), 1996, no. 1, pp. 65–72.
17. Salnikov V. P., Stepashin S. V., Khabibulin A. G. *Gosudarstvennost kak fenomen i obekt tipologii: teoretiko-metodologicheskiiy analiz* [Statehood as a phenomenon and object of typology: theoretical and methodological analysis]. St.-Petersburg: Fund «University», 2001. Ser. Safety of man and society. 208 p.
18. Tikhomirov Yu. A. *Gosudarstvo i pravo* (State and Law), 1992, no. 9, pp. 11–19.
19. Tikhomirov Yu. A. *Gosudarstvo i pravo* (State and Law), 1997, no. 2, pp. 24–32.
20. Tikhomirov Yu. A. *Zhurnal rossiyskogo prava* (Journal of Russian Law), 2004, no. 4, pp. 3–16.
21. Fromm E. *Marksova kontseptsiya cheloveka* (Mark's concept of man) Available at: http://www.scepsis.net/library/id_642.html (Date of access: 21.03.2017).

Коротко об авторе _____ **Briefly about the author**

Колядин Андрей Михайлович, канд. полит. наук, докторант, кафедра «Российская политика», Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия. Область научных интересов: классовая структура общества
andy@list.ru

Andrey Kolyadin, candidate of political sciences, applicant for doctors degree, Russian Policy department, Moscow State University named after V. M. Lomonosov, Moscow, Russia. Sphere of scientific interests: class structure of society

Образец цитирования _____

Колядин А. М. Классовая структура общества и развитие государственности // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 3. С. 53–60. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-3-53-60.

Kolyadin A. Class structure of society and statehood development // Transbaikal State University Journal, 2017, vol. 23, no. 3, pp. 53–60. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-3-53-60.

Дата поступления статьи: 14.03.2017 г.
Дата опубликования статьи: 31.03.2017 г.

